

Тыжов Андрей Яковлевич

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИСТОРИКА ПОЛИБИЯ

В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с определением идейно-философской позиции знаменитого историка эллинистического времени Полибия из Мегалополя (200-138 гг. до н.э.), автора "Всеобщей истории" в сорока книгах. Анализируются существующие в современной науке взгляды на данный предмет. Вопрос решается в диапазоне: Полибий - философ-стоик и Полибий - философ-эклектик. Автор стремится опровергнуть широко распространенную в антиковедении точку зрения о стоической принадлежности взглядов Полибия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/1/28.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (103). С. 95-98. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

3. **Кочетова О. А.** Никольская церковь села Пушкири Тамбовского района // Национальное достояние России: сб. тезисов докл. участников XXIV Всерос. конф. обучающихся. М.: Непецино, 2009. С. 471-472.
4. **Красников В. В., Пирожкова И. Г.** О роли Архива устной истории в историческом образовании (на примере Тамбовского центра краеведения) // Вестник Тамбовского центра краеведения. Тамбов, 1999. № 3. С. 7-16.
5. **Нора П.** Проблематика мест памяти // Франция-память: сборник / пер. с франц. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17-50.
6. **Пирожков Г. П., Заяц О. А., Щукина Е. С.** Семейный документальный ресурс: состав и содержание (по материалам краеведческого практикума) // Формирование специалиста в условиях региона: новые подходы: материалы 6-й Всерос. межвуз. науч. конф. (г. Тамбов, 11-12 апреля 2006 г.). Тамбов – М. – СПб. – Баку – Вена: Нобелистика, 2006. С. 65-68.
7. **Пирожков Г. П., Красников В. В., Пирожкова И. Г.** Новая технология проведения документоведческого краеведческого практикума // Формирование специалиста в условиях региона: новые подходы: материалы 3-й Всерос. межвуз. науч. конф. (г. Тамбов, 11-12 апреля 2003 г.). Тамбов – М., 2003. С. 81-83.
8. **Пирожков Г. П., Пушкарёва О. С.** Семейный документальный ресурс: состав и содержание (по материалам краеведческого практикума, выполненного студентами-документоведами Тамбовского филиала МГУКИ) // Формирование специалиста в условиях региона: новые подходы: материалы 5-й Всерос. межвуз. науч. конф. (г. Тамбов, 15 октября 2004 г.). Тамбов – М. – СПб. – Баку – Вена, 2004. С. 119-121.
9. **Пирожкова И. Г., Пирожков Г. П.** Школьные краеведческие музеи (культуролого-педагогический и правовой аспекты) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (100). С. 104-106.
10. **Пушкарёва Т. В.** Семейная память о советском прошлом: результаты научно-учебного проекта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56). Ч. 2. С. 151-153.
11. **Романовский Н. В.** Новое в социологии – «бум памяти» // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 13-23.
12. **Томпсон П.** Голос прошлого. Устная история / пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 368 с.
13. **Щёголева Е. М.** Никольский храм села Бокино (Тамбовская область) // Религия. Культура. Человек: сб. науч. ст. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2012. Вып. V/VI. С. 203-205.

ARCHIVE OF ORAL HISTORY OF TAMBOV LOCAL LORE CENTRE IN THE CONTEXT OF HISTORICAL MEMORY

Pirozhkov Gennadii Petrovich, Ph. D. in History, Doctor in Culturology, Professor
Pirozhkova Irina Gennad'evna, Ph. D. in History, Ph. D. in Law, Associate Professor
Krasnikov Viktor Viktorovich, Ph. D. in History, Ph. D. in Law, Associate Professor
Tambov State Technical University
gpptmb48@rambler.ru; 0_1_23456789@list.ru; viktor_krasnikov@list.ru

The article considers historical memory as an important channel of information about the past, analyzes the work of “Tambov Local Lore Centre” on collecting the memories and personal documents of older generations from the perspective of “family focus”. The authors show how the documents from the Archive of Oral History on Russian everyday life are used in scientific-educational and cultural-educational practices. Considering “oral history” an effective means of students’ research competencies formation the authors identified a number of methods of the activation of memory studies.

Key words and phrases: historical memory; culturological local lore; oral history; memory studies; public scientific association “Tambov Local Lore Centre”; Archive of Tambov Local Lore Centre as a resource and informational institution; Archive of Oral History.

УДК 94(3); 80.1(091)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с определением идейно-философской позиции знаменитого историка эллинистического времени Полибия из Мегалополя (200-138 гг. до н.э.), автора «Всеобщей истории» в сорока книгах. Анализируются существующие в современной науке взгляды на данный предмет. Вопрос решается в диапазоне: Полибий – философ-стоик и Полибий – философ-эkleктик. Автор стремится опровергнуть широко распространенную в антиковедении точку зрения о стоической принадлежности взглядов Полибия.

Ключевые слова и фразы: Полибий; «Всеобщая история»; стоицизм; перипатетики; историописание; Ахейский союз; Рим; Мегалополь; культурное влияние; философская преемственность.

Тыжов Андрей Яковлевич, к.и.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
firenze1449@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИСТОРИКА ПОЛИБИЯ

Решение вопроса о философской преемственности Полибия является одним из первостепенных для правильной оценки как личности ахейского историка, так и метода его историописания. Вопрос этот до сих пор не получил в антиковедении однозначного ответа. Исследователи творчества Полибия относят его к различным философским школам и направлениям, причем преобладающими являются два мнения: 1) Полибий преимущественно был философом стоической школы, и 2) Полибий был философом-эkleктиком.

Постараемся кратко проследить эволюцию взглядов на эту проблему. Впервые вопрос был поставлен Р. Гирцелем в русле его цicerоновских исследований [15, S. 841-967]. Анализируя текст Полибия, Гирцель обнаружил в его сочинении ряд идей, которые вполне резонно были отнесены им к заимствованиям из платонизма, аристотелизма и стоицизма. Стремясь обосновать мысль о стоицизме Полибия, Гирцель рассматривает этот полибиевский стоицизм как некую данность: «Мысль приписать происхождение нравственности двоякому стремлению – пользе и чести – была отнюдь не чужда и стоикам, хотя она ни в одном из дошедших от античности сочинений не выражена с такой решительностью, как у Полибия» [Ibidem, S. 854].

В последующее время, особенно в лоне немецкой классической филологии, начинает возобладать тезис о преимущественном влиянии на Полибия стоических идей. Основой этого тезиса было соображение общего характера, что середина II в. до н.э. была временем широкого проникновения в Рим стоических представлений, которые, подвергаясь встречному влиянию римской культуры, создали в конечном счете специфически адаптированное к римской среде стоическое учение [2, с. 554 сл.; 6, с. 86]. Поскольку судьба Полибия сложилась таким образом, что именно в это время он в числе других интернированных лидеров Ахейского союза оказался в Риме [4, с. 92-100], то он неминуемо должен был усвоить стоические взгляды. Более подробно биография Полибия рассматривается нами в другой работе [5, с. 5-33]. Важная роль в стоическом формировании Полибия отводилась философу-стоику Панецию, который вместе с Полибием входил в число активных участников кружка Сципиона Эмилиана [24, S. 60-72].

Концепция влияния на Полибия стоических идей в наиболее полной форме была разработана Рудольфом фон Скала [23, S. 201-255]. Исходя из концепции о господстве стоической философии в Риме в середине II в. до н.э., Р. Скала акцентирует свое внимание на взаимоотношении Полибия с философом-стоиком Панецием. Не отвергая влияния на Полибия идей других древнегреческих философских школ, Р. Скала считал стоическое воздействие на Полибия преобладающим: «С уверенностью можно сказать, что из круга идей средней Стои, главным представителем которой был Панеций, вышли истоки Полибия» [Ibidem, S. 249-256].

Личность самого ахейского историка не заслуживает в философском плане высокой оценки у Р. Скалы, который считает, что VI книга «Истории» Полибия, наиболее важная в отношении философского содержания, целиком обязана своим существованием Панецию: «Соображение, что широкое философское образование, глубокая переработка предшествовавших философских идей не встречается нигде, кроме как в VI кн., является достаточным основанием для того, чтобы отрицать за солдатом Полибием свободное создание государственной теории, исполненной стоического духа и использующей в свободной переработке платоновские и аристотелевские мысли... Стоическая школа является, таким образом, настоящей гаванью, в которую входит философское суденышко Полибия. В философских, но простых и готовых формулах он находит много того, что уже дал ему собственный философский опыт» [Ibidem, S. 253, 256].

Мысль о преобладающем влиянии на Полибия стоических идей была подхвачена Фридрихом Лео и особенно Эд. Корнеманном [16, S. 180-181; 18, S. 180-181], который считал это влияние настолько сильным, что оно, по его мнению, даже якобы побудило Полибия подвергнуть переработке всю VI кн. и внести в другие части своего сочинения ряд высказываний в подчеркнуто стоическом духе.

Мнение Р. Скалы имело и своих противников. Так, Э. Эрк, подвергнув тщательному анализу философскую терминологию Полибия, пришел к выводу, что во многих случаях Полибий использует стоические термины в нестоическом смысле, нанося, таким образом, чувствительный удар по построениям Р. Скалы [14, p. 15 sqq.]. Еще более решительно стоическую принадлежность Полибия отвергал Ф. Тегер [25, S. 28 sqq.].

Вопрос, касающийся философских взглядов Полибия, с новой силой привлек к себе внимание европейской науки после окончания Второй мировой войны. В этот период наблюдается явное стремление отойти от схематизации Р. Скалы и его последователей. Так, Курт фон Фриц возвращается к точке зрения Р. Гирцеля о философском плюрализме ахейского историка. Признавая наличие в тексте Полибия ряда стоических положений, американский историк отказывается считать Полибия стоиком [12, p. 56].

К мнению К. фон Фрица очень близко стоит Поль Педек, отрицающий принадлежность Полибия к какой-либо определенной философской школе: «В действительности Полибий, пишет французский исследователь, не привязывал себя ни к одному из философских направлений, и его эклектизм роднит его с Панецием, стоицизм которого подвергся сильному влиянию Платона и Аристотеля» [20, p. 253]. Кроме того, вопрос о методе использования Полибием текстов Платона рассматривается нами в работе [26, с. 415-420].

Г. Аальдерс, подробно взвешивая возможность заимствования Полибием от Панеция развитой в VI кн. теории смешанного государственного устройства, отвечает на этот вопрос отрицательно [7, S. 87]. При этом, так же как и П. Педек, он обращает внимание на широкое заимствование самим Панецием идей Платона и Аристотеля. Влиянию платонизма на Панеция посвящена работа Э. де Пласса [22, p. 83-93], где автор, анализируя трактат Цицерона «De officiis» («Об обязанностях»), написанный Цицероном под сильным влиянием сочинений Панеция, находит в нем многочисленные текстуальные заимствования, сделанные Панецием из сочинений Платона, которые Цицерон перенес в свой трактат вместе с собственными мыслями Панеция [8, p. XXIV].

Другим направлением атрибуции философских взглядов Полибия было отнесение его к числу чистых последователей аристотелевской школы. Исследователи, принадлежащие к этому направлению, считают непосредственным идейным предшественником Полибия последователя Аристотеля Дикеарха Мессенского [17, S. 246 sqq.; 19, S. 23-25].

Компромиссную позицию между двумя приведенными выше направлениями занял знаменитый немецкий филолог Конрат Циглер. В своей большой статье, специально посвященной Полибию, Циглер приходит к выводу, что ответить на вопрос о том, Панеций или Дикеарх оказал более сильное влияние на взгляды Полибия, невозможно по причине фрагментарности наших источников [28, Sp. 1499].

Французский исследователь Ж. де Фуко на основании анализа лексики Полибия сделал вывод о бесспорном влиянии на ахейского историка сочинений Платона, Аристотеля и, в более общей форме, стоицизма [10, р. 44]. Вслед за Р. Скалой, Фуко склонен считать, что на родине Полибий не имел никакого контакта со стоической философией и познакомился с ней только уже во время своего пребывания в Риме при посредстве Панеция; при этом, как утверждает Фуко, стоическое влияние Панеция отразилось как на всем труде Полибия, так в особенности на материале VI кн., специально посвященной теории смешанного государственного устройства и римской конституции. При этом французский исследователь осторожно замечает, что стоическое влияние Панеция не следует распространять на сочинение Полибия вплоть до мельчайших деталей.

Общность ряда мест сочинения Полибия с трактатами Аристотеля отметил еще в конце XIX в. Р. Пишон: «Сам словарь Полибия, та терминология, где так часто встречаются слова о природе, рационализме... заставляют нас думать о языке “Физики” и “Органона”. Теория шести форм вышла непосредственно из “Политики”» [21, р. 328].

Следы платоновского влияния на Полибия отмечает П. Фридлиндер. Он указывает на близость пассажа XXXI, 24, где юный Сципион Эмилиан упрекает Полибия за то, что тот в своем общении обходит его, Сципиона, вниманием, с «Первым Алкивиадом» Платона [11, р. 337-351]. У Полибия представлена ситуация, диаметрально противоположная изображенной у Платона, что предполагает знакомство нашего историка с сочинением Платона и использование его с определенной переработкой темы отношений Алкивиада и Сократа. Кроме того, П. Фридлиндер сближает пассаж Полибия XXXI, 24, 8 и пассаж Платона (Symposium, 218 d).

Рассмотрим материал, который предлагает нам античная традиция для восприятия философского облика Полибия. Прежде всего, обращают на себя внимание те широкие возможности философского образования в русле различных школ и направлений, которые предоставлял Полибию его родной город Мегалополис в Аркадии, где были представлены отдельными наставниками почти все существовавшие в то время философские направления. Идеи аристотелевской школы проповедовал в Мегалополе перипатетик Пританид, написавший по распоряжению македонского царя Антигона Гоната законы для жителей города (Pol. V, 93, 8). Плутарх упоминает Пританида как автора застольных бесед философского содержания, которые вполне могли быть известны Полибию (Plut. Quaestiones convivales 1 (Застольные беседы 1)) [29, Sp. 1207].

Особое значение для образования Полибия имела та философская среда, воздействие которой распространялось на политические круги, близкие к семье отца Полибия Ликорта, близкого друга и сподвижника основателя Ахейского союза Арата Сикийского. Так, другом Арата был философ Экдел, ученик Аркесилая. Под сильным идейным влиянием Экдела, а также другого ученика Аркесилая – Демофанта – находился лидер Ахейского союза – Филопемон, который сам, в свою очередь, сделался духовным наставником Полибия. Павсаний (VIII, 49, 2), кроме Экдела, упоминает еще одного наставника в философии – Мегалофана, которого, впрочем, не упоминает ни Полибий, ни Плутарх. К. Циглер усматривает у Павсания в имени Мегалофана смешение названия города Мегалополя и имени уже упомянутого нами философа Демофанта, происходившего родом из этого города [27, S. 228-233]. Кроме того, вопрос, поднятый К. Циглером, рассматривается в статье Г. Дёрри [9, Sp. 1142]. Исследователи отмечают также высокую политическую активность представителей философских школ Пелопоннеса [1, с. 67, 90, 94].

Полибий был хорошо знаком с учением Новой Академии, о чем свидетельствуют его иронические отзывы о ней (Pol. XII, 26). О распространении учения киников в Мегалополе свидетельства отсутствуют, за исключением упоминания у Диогена Лаэртского о том, что философ Керкид из Мегалополя был учеником Диогена Синопского (Diog. Laert. VI, 76).

Время знакомства Полибия со стоицизмом не поддается точному определению. В сохранившихся частях своего сочинения наш историк не упоминает имен философов стоической школы [20, р. 253]. Кроме Гераклита Эфесского и Платона, Полибий упоминает лишь перипатетиков – Аристотеля, Теофраста, Дикеарха, Деметрия Фалерского и Стратона. Это вызывает некоторое удивление, поскольку, находясь в Риме, Полибий имел доступ к книгам из библиотеки македонского царя Персея, вывезенной в Рим Эмилием Павлом. В этой библиотеке определенно содержались и сочинения стоической школы, с которыми Полибий был знаком и которые он мог цитировать. Такое отсутствие упоминаний учения стоиков едва ли можно объяснить фрагментарным состоянием текста Полибия.

В сочинении Полибия содержится достаточное число теоретических высказываний, каждое из которых, отдельно взятое, можно при желании отнести к тому или другому из существовавших в его время философских направлений. Однако отождествлять взгляды Полибия с какой-нибудь одной философской школой было бы, по меньшей мере, неосторожно. Например, полибиевское объяснение происхождения государства через корыстные устремления людей, пожалуй, ближе эпикурейской философии, нежели стоической, однако это не дает нам основания причислять Полибия к эпикурейцам [12, р. 55]. Нет также оснований считать Полибия и перипатетиком лишь на том основании, что почти все упомянутые им поименно философы суть последователи Аристотеля [20, р. 253]. Некоторую часть «общих мест» Полибия можно, разумеется, интерпретировать как реминисценции стоического учения, однако следует признать, что в общем объеме теоретических высказываний нашего историка таких мест не слишком много.

Особое место в формировании философских взглядов Полибия принято, как мы уже говорили об этом выше, уделять стоику Панецию. Однако Панеций был намного моложе Полибия, и куда более естественно предположить обратное влияние [Ibidem, р. 251]. С другой стороны, в 167 г. до н.э., иначе говоря, в первый год пребывания Полибия в Риме, там побывал глава пергамской школы философ-стоик Кратет Малосский, будущий наставник Панеция [13, Sp. 328]. Как рассказывает Светоний, пребывание Кратета в Риме затянулось из-за полученной им травмы. Тем не менее, Кратет проводил в Риме многочисленные философские беседы,

в которых участвовала образованная римская молодежь. Вполне естественно предположить, что среди многочисленных слушателей Кратета мог находиться и Полибий, входящий в круги римской аристократии.

Наибольшую ценность в философских занятиях для Полибия представляли этика и государственная теория (Pol. XII, 26 с, 4). К абстрактной философии Полибий не испытывает никакого интереса. Он хорошо знает «Государство» Платона и несколько раз ссылается на это произведение (Pol. VII, 13, 7; XII, 28, 2). Однако в тех случаях, когда политическая теория Платона становится на вкус Полибия слишком абстрактной и порывает с привычной нашему историку политической практикой, Полибий отказывается от ее дальнейшего рассмотрения (Pol. VI, 5, 1; 47, 7-10; 48, 1). Философские концепции, таким образом, имеют ценность в глазах Полибия лишь при условии их пригодности для существующей государственности и политики. При этом государственным представлениям Полибия присущ этический элемент, который вовсе не следует рассматривать в духе стоической этики.

В целом философские взгляды Полибия представляются достаточно поверхностными. Философские максимы употребляются им в целях иллюстрации, в духе «общих мест» античной школьной риторики. Исходя из этого, едва ли следует приписывать Полибия к какому-то определенному философскому направлению. Как нам удалось продемонстрировать в одной из наших работ, в тексте Полибия имеются указания на скрытую полемику со стоическими взглядами [3, с. 155-164]. Таким образом, принимая во внимание сказанное нами выше, тезис о преимущественном стоицизме Полибия не имеет под собой, на наш взгляд, достаточных оснований, что, в свою очередь, свидетельствует в пользу эклектизма его взглядов.

Список литературы

1. **Васильевский В. Г.** Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869.
2. **Полениц М.** Стоя. История духовного движения. СПб., 2015.
3. **Тыжов А. Я.** Был ли Полибий приверженцем определенной философской школы? // Mouseion. Профессору А. И. Зайцеву ко дню 70-летия: сб. статей. СПб., 1997.
4. **Тыжов А. Я.** Полибий в Риме // Античная гражданская община. Проблемы социально-политического развития и идеологии / под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986.
5. **Тыжов А. Я.** Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история: в 3-х т. / пер. Ф. Г. Мищенко; под ред. А. Я. Тыжова. СПб.: Наука, 1994. Т. 1.
6. **Утченко С. Л.** Политические учения древнего Рима. М., 1977.
7. **Aalders G. J. D.** Die Theorie der gemischten Verfassung im Altertum. Amsterdam, 1968.
8. **Cicero M. Tullius.** De officiis. Tert. Recognovit C. Atzert. Lipsiae, 1958.
9. **Dörrie H.** Megalophanes // Der kleine Pauly. Lexikon der Antike. München, 1979. Bd. III.
10. **Foucault J.-A. de.** Recherches sur la langue et le style de Polybe. Paris, 1972.
11. **Friedlander P.** Socrates enters Rome // American Journal of Philology. Baltimore, 1945. Vol. 66.
12. **Fritz K. von.** The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity. A Critical Analysis of Polybius' Political Ideal. N. Y., 1956.
13. **Gärtner H.** Krates (IV) // Der kleine Pauly. Lexikon der Antike. München, 1979. Bd. III.
14. **Hercod R.** La conception de l'histoire dans Polybe. Lausanne, 1962.
15. **Hirzel R.** Untersuchungen zu Ciceros philosophischen Schriften. Leipzig, 1882. Bd. II.
16. **Kornemann E.** Zum Staatsrecht des Polybios // Philologus. Leipzig, 1931. Bd. 86.
17. **Laqueur R.** Polybius. Leipzig, 1913.
18. **Leo F.** Geschichte der römischen Literatur. Berlin, 1913. Bd. I.
19. **Osann F.** Ueber einige Schriften Dicäarchos des Peripatetikers // Beiträge zur griechischen und römischen Literatur. Darmstadt, 1836. Bd. II.
20. **Pedech P.** La méthode historique de Polybe. Paris, 1964.
21. **Pichon R.** Un historien positiviste dans l'Antiquité // Revue Universitaire. Paris, 1986.
22. **Places E. de.** Le platonisme de Panetius // Mélanges d'archéologie et d'histoire. Paris, 1956. Vol. 66.
23. **Scala R. von.** Die Studien des Polybios. Stuttgart, 1890. Bd. I.
24. **Strasburger H.** Der Scipionenkreis // Hermes. Berlin, 1966. Bd. 94. Heft 1.
25. **Taeger F.** Die Archäologie des Polybios. Stuttgart, 1922.
26. **Tischov A. J.** Quomodo Polybius Platonis philosophi opera legerit // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2011. Вып. 10.
27. **Ziegler K.** Ekdemos und Megalophanes oder Ekdelos und Demophanes? // Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main, 1934. Bd. 83.
28. **Ziegler K.** Polybios (1) // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Stuttgart, 1952. Bd. XXI.
29. **Ziegler K.** Prytanis // Der kleine Pauly. Lexikon der Antike. München, 1979. Bd. III.

ON THE ISSUE OF PHILOSOPHICAL AFFILIATION OF THE HISTORIAN POLYBIUS

Tyzhov Andrei Yakovlevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Saint Petersburg State University
firenze1449@yandex.ru

The article examines certain issues regarding the identification of the ideological and philosophical attitude of the famous historian of the Hellenistic period Polybius from Megalopolis (200-138 B.C.), the author of "The Histories" in 40 volumes. The paper analyzes modern views on this problem. The issue is solved in the following aspects: Polybius – philosopher-stoic and Polybius – philosopher-eclectic. The author aims to deny the widely accepted in antique studies opinion on the stoic affiliation of Polybius' views.

Key words and phrases: Polybius; "The Histories"; stoicism; peripatetic school; chronicle writing; The Achaean League; Rome; Megalopolis; cultural influence; philosophical continuity.